

Посвящается двум очаровательным девочкам, которые неустанно следовали за мной по бесконечным улицам шумного города и успокаивали каждый раз, когда я жаловалась на дурное настроение;

студенту Шади, открывшему тайну своей семьи и, за упоминание его имени в этом посвящении;

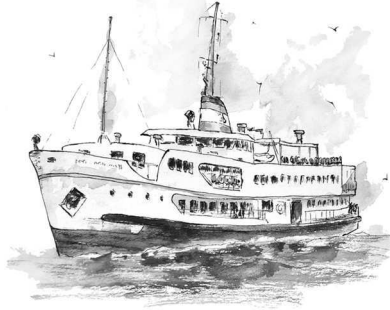
понимающему Дипу, который поддерживал меня в непростой период злополучного карантина, ежедневно приводил в чувство турецким кофе и научился засыпать под стук клавиш моего ноутбука;

и, конечно, невероятному Стамбулу, подарившему новую жизнь...

*Gürültülü bir şehrin bitmek bilmeyen
sokaklarında beni yorulmadan izleyen,
şikayet ettiğim her an yanımda olan iki
muhteşem kıza, hitapta adını geçirmem için
bana aile sırrını ifşa eden öğrenci Shadi'ye,
talihsiz karantina sürecinde benden
desteğini esirgemeyen, hergün Türk kahvesi
ile beni hayata döndüren ve laptopumun
klavye sesi ile uyumayı öğrenen Dip'e, ve
tabii ki bana yeni hayat bahşeden
İstanbul'a...*

Посвящение на турецком языке.

ЭСМИРА ИСМАИЛОВА

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

СТАМБУЛ В РЕЦЕПТАХ,
ИСТОРИЯХ
И КРИКАХ ЧАЕК

Хлеб*соль

Москва 2022

УДК 641.55
ББК 36.997
И87

Дизайн оформления *В. Терещенко*

Исмаилова, Эсмира.
И87 На берегах Босфора : Стамбул в рецептах, историях и криках чаек / Эсмира Исмаилова. – Москва : Эксмо, 2022. – 288 с. : ил. – (Есть. Читать. Любить).

ISBN 978-5-04-097943-1

Аромат турецкого кофе, хрусткий симит на набережной района Ортакей, крик чаек над лабиринтом рыбного рынка, – Стамбул, единжды запавший в душу, не отпустит никогда. Дебютная книга Эсмиры не просто гид по красивым местам города и не еще один кулинарный путеводитель – это история о том, как познать стамбульский кейф, научиться никуда не спешить, наслаждаться янтарным менеменом на завтрак, маленькими глоточками пить тюрк кахвеси с послевкусием корицы и кардамона, следить за вальсом чаинок в тюльпанообразном бокале и вдыхать полной грудью запах Босфора и гранатового сока. Книга о рецептах, которым не одна сотня лет, о людях, чьи истории так и просятся на страницы романа, о бесконечно красивом городе на берегах Босфора.

УДК 641.55
ББК 36.997

ISBN 978-5-04-097943-1

© Э.Исмаилова, текст, фото, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Содержание

- Пролог . . . **7**
- Дружеское рукопожатие (вместо предисловия) . . . **11**
- Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши . . . **17**
- Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе . . . **36**
- Романтическое утро в фахверковом Бебеке . . . **53**
- Детективная история в апельсиновом городе . . . **76**
- Не называйте меня «ябанджи», или Турецкий язык с французским акцентом . . . **92**
- Стамбульская меланхолия . . . **119**
- Дорога в Шиле, или Как мы искали маяк . . . **139**
- Пера. 411-й номер свободен? . . . **156**
- Три беды стамбульских мужчин, или Что думают о них стамбульские женщины . . . **175**
- Стамбул в витрине антикварной лавки . . . **191**
- Знакомство с графом Плещеевым на Гранд-рю-де-Пера . . . **210**
- 9:05 . . . **224**
- Свидание в холодном Стамбуле, или Как завести любовника в этом городе . . . **245**
- 7 жизней и одна из них в Стамбуле. Кошки . . . **254**
- Магический круг жизни, или Последнее предсказание Румели . . . **266**
- Что я узнала о стамбульском кейфе (вместо послесловия) . . . **282**
- Список рецептов, размещенных в этой книге . . . **285**

Пролог

Еще в детстве я часто видела сны об опустевших городах, в которых одинокий ветер насвистывал тоскливую мелодию скрипучими ставнями да перекасти-поле бессмысленно кружили по заброшенным улицам. «Это всего лишь сон...» – успокаивала я себя по утрам и мгновенно забывала апокалиптические видения.

Последний год я провела в очаровательном Стамбуле, раскинувшемся пологими холмами на двух континентах, разрезанных причудливой лентой быстроводного Босфора. Стамбул никогда не спал, чем очень походил на меня, вечно мучимую бессонницей: он будил на рассвете протяжными гудками проходящих пароходов; позже его будоражили переливы печального азана; все утро он звенел голосами уличных продавцов симитами и сырной ачмы, а ближе к полудню город наполнялся шумными толпами неугомонных туристов, чьи голоса сливались в единый пронзительный гул, от которого даже голуби в испуге взлетали над площадью Султанахмет. После обеда Стамбул начинал готовиться к традиционному ужину: из распахнутых окон доносился перезвон медных сотейников, в которых тихо ворковало топленое масло с нежной мякотью

Пролог

свежих артишоков. Торговцы из рыбной лавки зазывали спешащих прохожих за остатками потрошеной рыбешки хамси. «Üç günlük dünya!»¹ – кричали они и тут же захлопывали вековые ставни крохотных магазинчиков, чтобы успеть домой к ужину, приготовленному заботливыми мамами – «анне». Постепенно вечерний Стамбул медленно погружался в прохладные сапфиновые ночи: он то и дело хлопал дверями нескончаемых ресторанов и забегаловок, дымил папиросками в тонких пальцах богемных красавиц, одурманенных сладковатыми парами анисовой настойки. Даже далеко за полночь этот город продолжал праздновать и балагурить: сытые и оттого счастливые кошки заводили протяжные песни под окнами моего дома. Напевшись вдоволь, они уступали сцену беспечным чайкам, которые до самого рассвета бесцеремонно кричали на крышах: птицы немислимым образом подражали человеческим интонациям, чем вынуждали сонных стамбульцев то и дело выглядывать на крохотные терраски уютных османских квартир.

Я наслаждалась оживленной стамбульской жизнью, но внезапно все изменилось. Город, не знавший тишины, в один мартовский день попросту замолчал – так нелепо и неестественно. Новость о карантине моментально разлетелась по многочисленным районам мегаполиса. Я просидела две недели дома, после чего отправилась на разведку: ну как поверить в то, что Стамбул может так просто уснуть? Но город действительно спал. Когда-то оживленные проспекты теперь походили на тоскливые картинки из моих кошмаров. Исчезли пробки из нескончаемых верениц автомобилей, и миллионы людей на улицах бесследно растворились... Я не верила глазам и, спрятавшись под стерильной маской, мелкими перебежками добралась до набережной Ортакей. Мечеть Меджидие все так же парила над шумными водами Босфора. Напуганные тишиной голуби скромно жались к гигантскому платану, не находя добросердечной старушки с семечками на ее привычном месте. Ресторанчики, из которых еще недавно на всю округу разносился пряный запах запеченного кумпира, одиноко стояли, обклеенные лентами ядовитого желтого цвета: ЗАКРЫТО.

¹ Трехдневный мир! (тур.). Это выражение часто используется стамбульцами для описания скоротечности времени.

Огромный город, будто разоренное гнездо, зиял темными окнами пустых отелей, задраенными дверями ресторанов; он пугал пустыми дорогами, по которым лишь изредка пробежали своры одичавших собак. Отвыкшие от людей, кошки, завидев меня, высовывали из укрытий грустные морды и долго проводжали тоскливыми взглядами.

Вскоре все усложнилось комендантским часом: выходить на улицу было запрещено под любым предлогом, и вот тогда я решила во что бы то ни стало воскресить в своей памяти прекрасный город, подаривший мне двенадцать долгих месяцев, научивший любить и ценить жизнь при любых обстоятельствах. Я смахнула пыль с розовой крышки ноутбука и унеслась в будоражащие воспоминания. Терпкие нотки турецкого кофе по утрам подогревали предвкушение новой встречи с любимым городом, разлуку с которым выносить было все труднее и труднее. Я с нетерпением ждала тот день, когда прекрасный Стамбул вновь умоется прохладным утренним дождем и после, свежий, распахнет свои объятия в тени разросшихся акаций и платанов.

Стоило подойти к рабочему столу, как гигантские чайки тут же слетались на парапет у окна и терпеливо следили за каждым моим движением. Иногда они напоминали о забытых эпизодах нежным гортанным воркованием – кому как не им, вечным преследователям блуждающих, знать всю правду?.. Я внимательно слушала и записывала все точь-в-точь, как надиктовывали эти белокрылые создания. А Стамбул, словно погруженный в летаргический сон, готовился к внезапному пробуждению – по крайней мере, я в это верила всем сердцем...

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

8 февраля, 2019. Стамбул

*Горячие каштаны под февральским снегом. –
Неожиданная встреча с НИМ. – Безупречный костюм
сафари и песни цикад. – Кризис среднего возраста. –
Неожиданное знакомство во дворике мечети Шишли.*

Этот удивительный город, полный роскоши и достопримечательностей, которых хватило бы на семь сказочных королевств, встретил меня запорошенными улицами и озябшими прохожими. А говорят, в Стамбуле не бывает снега... По старой детской привычке я сделала несколько шагов и обернулась, чтобы посмотреть на собственные следы, но кто-то высокий в сером пальто успел пройти по ним. Кругом были люди: спешащие по делам, курящие у подъездов домов, продающие горячие каштаны...

Я быстро протянула десять лир громкоголосому торговцу – и вот заветный кулек из коричневой бумаги у меня. «Носом ню-

Дружеское рукопожатие (вместо предисловия)

хай». – Показывает худощавый продавец Ахмет (конечно, его имя я узнаю гораздо позже), манерно закатывает глаза и так типично для южанина цокает языком и прищелкивает пальцами. Опускаю нос в бумажный пакетик – и тут же оказываюсь на вершине маленького, но все-таки блаженства: как тепло! А аромат!

Запах каштанов в этом городе прижился так же хорошо, как запах тушеной капусты в детском саду или сосисок с овсянкой в школьной столовой. Каждый дом пахнет тем, чем больше всего любят лакомиться его обитатели. И чем дольше они в нем живут, тем прочнее этот запах оседает на выцветших флизелиновых обоях, густой драпировке тяжелых портьер и винтажных диван-деках, призванных сохранять свежесть обивки кресел, которую никто никогда не видел и вряд ли помнит, какого она цвета.

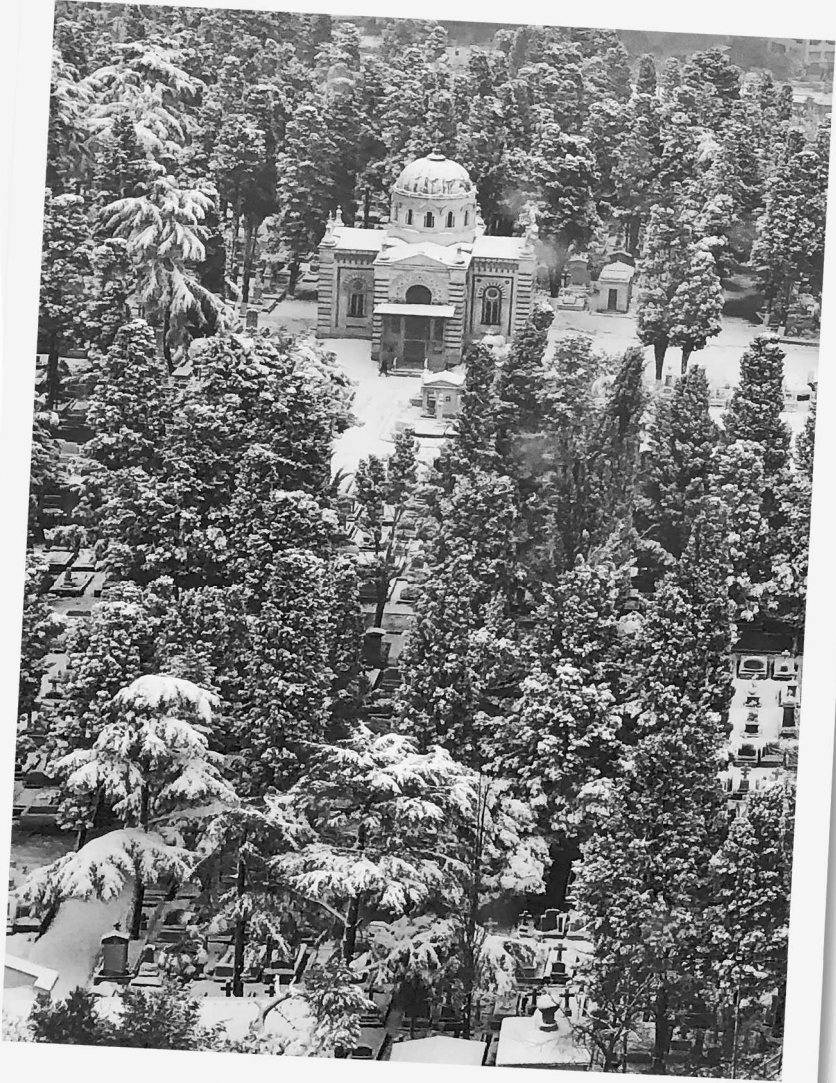
Я шла и с трудом счищала закоченевшими пальцами горячие угольки, приправленные свежими снежинками, только что упавшими с неба. Впереди показался Марриотт, чья верхушка терялась в снежном молочном вихре. Мне – туда.

Еще пару месяцев назад я сидела в любимом кафе в Ташкенте, потягивала шпинатно-яблочный смузи (идея сбросить лишние пять килограммов никогда не оставляла меня) и шурилась под мягкими лучами осеннего солнца. Было по-настоящему хорошо в том далеком уголке Центральной Азии, куда меня однажды забросила судьба, даже не поинтересовавшись о моем желании. А случилось все так...

История, которую, наверное, уже можно назвать историей моей жизни, началась с мимолетного взгляда на НЕГО на одном из дипломатических приемов в небольшом, но очень милом городе Минске. ОН, в свою очередь, задержал на мне взгляд на неприлично долгие три минуты, что в итоге и привело нас к алтарю (так обычно пишут в романах, мы же, конечно, отправились в районное отделение загса), где успешно скрепили обоюдное согласие не расставаться ни при каких обстоятельствах изящными росчерками под звуки Мендельсона в соседнем зале.

– Хорошо, что не заказали торжественную часть, – сказал ОН на выходе. – Все равно музыка была слышна...

В тот момент хотелось верить, что эта нарочитая практичность приведет нашу семью к устойчивому будущему, и так я считаю до сих пор.

ОН оказался дипломатом в хорошо известной международной организации, забрасывающей своих сотрудников в самые невероятные уголки мира, чтобы те решали проблемы голода и малярии на местах. Тогда эта благородная миссия казалась безумно романтичной.

Я представляла себя в безупречно сидящем костюме саванн в далекой экзотической стране, где непременно жаркое солнце, лазурное небо и добродушные местные жители, которыми мы помогаем выживать под песни цикад и шум океанического прибоя.

Возможно, на мои мечты с явным колониальным привкусом повлиял популярный в то время фильм Норы Эфрон «Джули и Джулия: Готовим счастье по рецепту» – сейчас уже сложно сказать. Главное, я дала согласие международному дипломату (которого мои подружки нежно окрестили Дипом) следовать за ним по пятам, куда бы нас ни забросила его карьера.

Последние пять лет мы провели в самом сердце Центральной Азии. Это были пять долгих лет, подаривших море незабываемых впечатлений. Первый год я училась дышать в узбекскую чиллю, когда столбик термометра приближался к отметке 50 градусов по Цельсию; затем я погрузилась в глубины узбекской кухни, скрупулезно изучив все этапы приготовления плова, мантов, ачик-чучука и чак-чака; потом я вернулась к писательству и наконец закончила когда-то начатые рукописи. И только после всего этого меня накрыла настоящая депрессия, о которой прежде я читала только в книгах.

– Кризис среднего возраста. Бальзак. – Со знанием дела заявил Дип, за что был лишен домашних ужинов на целую неделю. А я продолжала глубже и глубже постигать все тонкости эмоционального расстройства, которое меня скоро привело к хронической бессоннице и взявшейся невесть откуда аэрофобии.

Каждое утро, замешивая омлет с сыром, я удрученно думаю о том, как смешны теперь мои красные дипломы о высшем

На берегах Босфора

образовании (а было их целых три!), и даже несколько раз порывалась их сжечь, но никогда не находила спичек, хотя они всегда лежали в правом дальнем углу верхнего ящика комода. Теперь мне кажется, что та депрессия была сродни спектаклю, в котором я отвела себе главную трагическую роль, словно срежиссированную мной же. И пока все домашние старательно пытались понять мое состояние, нам пришло очередное письмо о новом месте службы.

* * *

Стамбул... Тогда я вряд ли понимала, что несет с собой эта долгосрочная командировка. Я просто погрузилась в рутинные сборы багажа и томные вечера трогательных прощаний с самым уютным садиком на планете, который мне удалось разбить в условиях субтропического климата солнечного Ташкента.

За годы скитаний мы обросли двумя дочерьми, антикварным шанино Реткоф, ста пьюдесятью коробками личных вещей и несметным количеством чемоданов, с трудом пошествовавших в микроавтобус, встретивший нас в аэропорту Атамюрка.

И вот теперь я брела по незнакомым улицам совершенно чужого города, не понимая ни слова из задорных выкриков уличных торговцев. «Неужели это судьба, которую нужно принять?» – думала я, не находя в себе ни сил, ни желания на очередное погружение в дикий мегаполис, соединивший в себе десятки культур, прошедший путь великих цивилизаций, не покорившийся или не покоренный – мне совершенно не хотелось это знать.

Среди вихрей усилившегося снега жалобно застонала чайка, затерявшаяся в непогоде. И, будто вторя ей, затянул свою протяжную песню минарет центральной мечети на площади Шишли. Я заглянула в ее уютный дворик, сплошь занесенный снегом и оттого выглядевший невероятно сказочно. Именно

Дружеское рукопожатие (Вместо предисловия)

так в детстве мне представлялся дворец Снежной королевы в книгах, иллюстрированных Архиповой. Я присела на многоугольный шадирван, где летом верующие совершают ритуальные омовения, и прищурилась, чтобы получше рассмотреть тонкую арабскую вязь над входом. Рой снежинок закружился в танце прямо передо мной. А все-таки Стамбул в снегу прекрасен...

– Здравствуй, Стамбул, – прошептала я, и только сейчас заметила, что рядом расположилась огромная собака с пластмассовым чипом в ухе. Я много слышала про эту старинную породу – хранителей города. Пес внимательно посмотрел мне в глаза и едва слышно что-то прорычал. Я протянула окоченевшую ладонь с очищенным каштаном. Он охотно слизнул его, и руке стало приятно: то ли от прикосновения шершавого языка, то ли от теплого дыхания.

– Что ж... Может, ты еще и лапу мне дашь?

И каково было мое удивление, когда этот невероятных размеров взлохмаченный пес действительно протянул тяжелую мягкую лапу и нежно заурчал.

– Приятно познакомиться, Стамбул! – Я спешно зашагала в отель, решив, что нужно просто хорошенько выспаться.

Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши

16 февраля

*Скрипучие дверцы шкафа. – Окровавленные
головы за завтраками. – Мехмет-бей и его менемен. –*

*Очаровательная Ешим-ханым и ее неумный
темперамент. – Новое слово «кейф япмаг». – Квартира
миссис Мейзел в Верхнем Вест-Сайде. – Мокрые уggi
и жемчужное кольцо. – Потайная библиотека монахов
под домом. – Романтическое слово «Бомонти».*

Первые две недели в Стамбуле захлестнули меня бытовыми проблемами. Нужно было найти школу детям и определиться с жильем. И если первый вопрос был решен быстро, то со вторым пришлось поломать голову, изучая карту почти двадцатимиллионного города со всеми его запутанными магистралями и мостами-трассами.

Дип все дни пропадал на работе. Он научился неслышно принимать душ, бесшумно одеваться (и это при скрипучих

Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши

дверцах шкафа), так что я даже не замечала, как и когда он исчезал из номера по утрам. Возможно, я просто крепко спала... Мои героические дети, привыкшие к самостоятельности, тоже не дергали и так же незаметно, как и их отец, растворялись еще до восхода солнца и ближе к вечеру появлялись в номере грустные и уставшие: новые школа и сад им пришлись не по вкусу. Благо в отеле на завтрак было вдоволь хлопьев с молоком – о большем в те смутные времена они и не мечтали!

Все еще мучимая бессонницей по ночам, я едва расклеивала глаза к девяти. Серое небо тяжело дышало в стеклянные стены небольшой комнаты на 31-м этаже. И только краснохвостые самолеты, будто гигантские чайки, каждую минуту пролетали прямо у окна.

Потерянная и разбитая, я спустилась на завтрак. Половина столов были заняты мужчинами арабской наружности с окровавленными головами. Мой недоуменный взгляд встретил рыжеволосый немец, который, понимающе закатив глаза, попытался привлечь внимание. Я села за соседний с ним столик в ожидании омлета из белков (все та же попытка сбросить пять лишних килограммов).

– Это, видимо, что-то связано с их религией... Я видел такое в интернете, – попытался завязать разговор немец.

Я равнодушно качнула головой, дескать, он прав. Хотя прекрасно знала, что всем этим потоком «красавцев» мы обязаны клинике по пересадке волос, которая находилась в одном здании с отелем. И никакая кровавая традиция шиитского праздника Ашура, связанная с самобичеванием верующих в знак раскаяния и искупления некой вины, тут ни при чем.

Немец ел живо и с аппетитом, так что веснушки то и дело смешно подпрыгивали на его лице. Бледно-желтый менмен, весьма далекий от того, каким должен быть в идеале, тоскливо распозлся по белой тарелке. И все-таки в сетевых отелях никогда не умели хорошо готовить.

Я вспомнила наш первый визит в Стамбул. Мы с мужем сновали, как заведенные, по тихим улочкам малоизвестных районов. На одной из них в квартале Кадыкёй мы и набрали на местечко, полностью поменявшее мое представление

На берегах Босфора

о яичнице, омлете и любом другом блюде из яиц. Хозяин заведения, невысокий полнотелый Мехмет-бей, больше смахивавший на сицилийского итальянца, готовил прямо у стойки заказов, так что мне не составляло никакого труда наблюдать за процессом приготовления этого самого менемена. Мехмет-бею повышенный интерес со стороны молодой девушки явно льстил, и он старался как мог: эффектно жонглировал всем, что попадало ему под руку, так что простая на первый взгляд готовка превратилась в изысканное представление от артистичного шефа.

Рецепт

Менемен, или Идеальный стамбульский завтрак (порция на двоих)

- 4–5 яиц
- 2 мясистых помидора (желательно без кожуры)
- 1 чайная ложка топленого масла
- 1 столовая ложка оливкового масла
- 4 зубчика чеснока
- 1 столовая ложка сушеной мяты
- 0,5 чайной ложки куркумы
- 1 чайная ложка паприки
- Соль, сахар по вкусу

Н. В. Подавать со свежей белой лепешкой, которую непременно обмакивать в нежный соус менемена.

Мехмет-бей крупно нашинковал помидоры, которые тут же пустились в пляс в медном сотейнике, щедро политом домашним оливковым маслом. Туда же он отправил ложку топленого и присыпал все жменей рубленого чеснока.

– Не готовь, дочка, на сливочном масле. Не поленись, перетопи его. Это так просто. Моя жена целый день стоит и только топит его. Для сына, для дочки, даже для соседей. Хочешь, тебе перетопит? – его слова лились как песня, аккомпанировала которой все та же медная сковорода. Имея отнюдь не большие познания в азербайджанском языке, понимание турецкого мне давалось с трудом, однако его эмо-

Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши

циональная речь проникала в самое сердце, как и невероятный аромат будущего менемена.

Помидоры выпустили сок. Очаровательный шеф приправил их солью и сахаром, бросил пару щепоток куркумы и хорошенько все присыпал сухой мятой.

– А это, чтобы болезни не цеплялись. Лучшее лекарство!

Во все это пунцовое великолепие добродушный повар вбил штук пять куриных яиц и ловко все вымешал деревянной лопаткой.

– Afiet olsun, kızım!¹

Вот то был менемен! Однако рыжеволосый турист оказался неприветливым и был весьма доволен своим завтраком в окружении кровоточащих голов, которые совсем скоро рассчитывали превратиться в пышные шевелюры. По крайней мере, они в это верили. Удивляло то, что все эти люди, рискнувшие на операцию ради нескольких редких пучков на темечке, не были ни актерами, ни моделями и даже совсем не походили на влогеров-блогеров, которым частенько приходится ставить подобные эксперименты. Кругленькие животики перебинтованных постояльцев мило подергивались во время завтрака. Они спешили закончить трапезу до того, как их многочисленные семейства, состоящие, как правило, из нескольких жен и оравы крикливых ребятишек, спустятся к завтраку. Как только те появлялись на горизонте, сытые отцы мгновенно исчезали, растворившись в тяжелых парах невкусного менемена, который то и дело выносили из чадающей кухни.

Скучный немец приступил к кофе, а я, так и не дождавсь своего «белого» омлета, побрела в лобби. Через тридцать минут нужно было ехать на встречу с очередным риелтором, который наверняка будет предлагать «некондицию», чтобы в конце концов «выстрелить» более или менее сносным вариантом, на который я должна буду клюнуть. Как бы не так! Для человека, меняющего страны проживания как перчатки, а съемные квартиры и того чаще, я была еще тем орешком. Так что риелторам Стамбула стоило серьезно успокоиться.

¹ Приятного аппетита, дочка! (тур.).

Утренний Стамбул радушно распахнул свои объятия, отдавая прохладным ветром, принесшим крохотные капли с Босфора. В какой части города я бы ни находилась в эти дни, всегда четко слышала шум его беспокойных вод, чувствовала сладковатый привкус моря и так свыклась с этими новыми ощущениями, что по ночам нередко скучала по ним, как по старым, добрым друзьям. В такие бессонные часы сложнее всего было то, что окна в отеле не открывались. Я видела бурлящую жизнь огромный город, вереницы красных огоньков машин, черные воды Босфора, который разрезали сияющие огнями корабли, но не могла вдохнуть все это в себя, чтобы повторить их четкий ритм, которого так не хватало в моей скучной провинциальной жизни.

Улыбнувшись приветливому швейцару, я прыгнула в такси. Мы проезжали серые улицы, запруженные автомобилями, толпами спешащих людей, торговцами, чей товар легко умещался на одной скрипучей телеге. Таксисты приветствовали друг друга протяжными гудками, от которых сводило челюсть. И тысячи мотоциклистов, напоминавших груженых горных мулов, проворно сновали среди застрявших в пробках машин. Что за сумасшествие?! И как я здесь сяду за руль?

Наконец мы прибыли. Я зашла в фойе новенькой высотки на знаменитой улице Nispetiye. Худощавая девушка на ресепшене демонстративно зевнула и снова нырнула в экран компьютера – видимо, смотрит сериал. Я сбросила сообщение агенту, что уже на месте, и тут же получила ответ: «В дороге. Трафик. Скоро буду». Как будто я ехала не по дороге и меня этот трафик не коснулся... Ну что ж... Будем ждать.

Через полчаса в распахнутые двери ворвались двое: вихрь ледящего воздуха и моя риелтор. Это была женщина «хорошо за пятьдесят» с прекрасным английским и неумным темпераментом. Она одновременно трясла мою руку, рассказывала девушке на ресепшене о жутких пробках (та недовольно морщилась, ведь ее оторвали от сериала), звонила хозяйке квартиры, у которой были ключи, и пыталась расчесать свои спутавшиеся от ветра кудри. Наконец она закончила все это и шумно приземлилась в кресло.

– Будем ждать! Хозяйка квартиры в трафике, – спокойно заявила она и уткнулась в экран смартфона.

На берегах Босфора

– Пойдите, а вы не сказали ей, во сколько мы встречаемся?
– Я же говорю вам, что на дорогах пробки, – ответила она, даже не удосужившись поднять на меня глаза.

– Но ведь я ехала по тем же дорогам. И приехала вовремя.

– Действительно, – задумалась она. – Возможно, вы были недалеко?..

– Нет, мой отель совсем в другой стороне... – Не знаю, зачем я пыталась докопаться до истины, но тогда мне этого очень хотелось.

Ешим-ханым (так звали эту холеричную особу) подпрыгнула пару раз в кресле и предложила рукой сесть на соседний диван. Она оглянулась по сторонам и заговорщицки зашептала, приблизившись так близко, что ее накладные ресницы легко могли задеть мой нос.

– Я не знаю, как вы, иностранцы, это делаете... Может быть, у вас есть какой-то секрет, не знаю... Но мы, стамбульцы, постоянно опаздываем, понимаете? И с этим ничего не поделаешь. – И она смешно шлепнула губами. Точь-в-точь как мой младший брат, когда съедал последнюю конфету в вазочке на столе. От этой аналогии меня передернуло.

– То есть вас не смущает, когда кто-то опаздывает? – не унималась я.

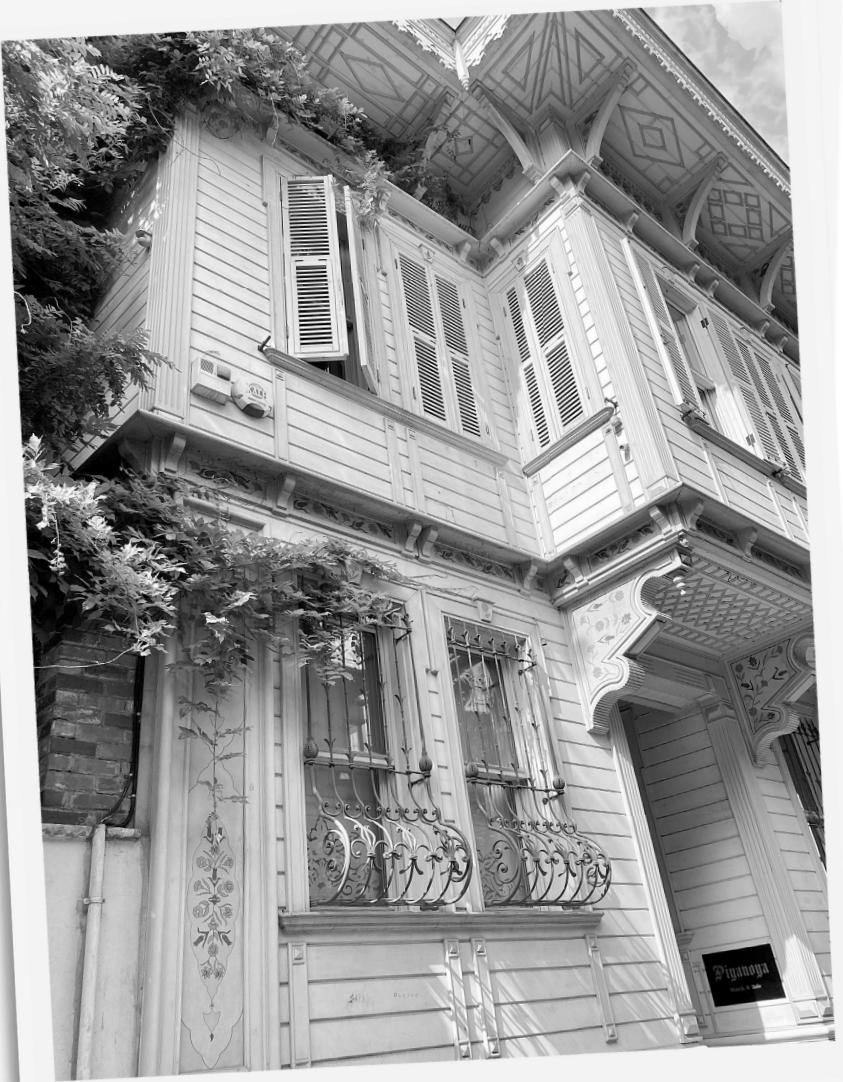
– Скажем, нас это не пугает так, как вас.

– Но у меня есть планы... Как быть с ними?

– Да-да, я вас понимаю, у меня тоже масса планов, миллион встреч... Но это стамбульский трафик.

Я не стала посвящать свою новую знакомую в то, что вчера утром в приложении я проложила маршрут до этой самой улицы Нисбетие и прикинула время в дороге с учетом пробок в утренние часы. И вот – вуаля! – я прибыла на встречу вовремя. Хотя, пожалуй, лучше рассказать ей про мое ноу-хау... но именно в этот момент у нее зазвонил телефон, и ее голос снова зазвенел неприятными визгливыми нотками. При этом она одновременно смахивала с меня соринки и копошилась в безразмерной сумке в поиске, видимо, все той же расчески. Удивительная женщина!

Хозяйка квартиры задерживалась еще на час, и растерянная Ешим-ханым, понимая, что такая вольная трактовка времени выглядит невежливо даже в рамках стамбульского этикета, пригласила меня на чай.

Буквально в трех минутах от высотки с предполагаемой квартирой располагалась целая цепочка кафе и ресторанов. Их запыленные скупым снегом пороги казались грязными и разбитыми. Я поехала в тонком кашемировом пальто (в моем ташкентском гардеробе это оказалось самой теплой вещью, а покупать что-то новое не было настроения).

Некоторые сельчаки пили чай прямо на улице, подпирая плечами холодные влажные стены заведений. Атланты XIX века...

После каждого глотка терпкого напитка они глубоко затягивались сигаретой и философским взглядом провожали прохожих. Вся эта межсезонная игра света, капель и теней напомнила мне полотна Коровина, сюжеты которых оживали на глазах.

Ешим-ханым резко подняла голову. На вывеске красовался черный петух. Убедившись, что надпись обозначала именно то, что надо, она широким жестом распахнула дверь. Меня тут же обдало мягким домашним теплом и невероятно бархатным запахом кофе. Мы разместились на велюровом диване у окна, так что можно было легко наблюдать за происходившим на тротуарах.

Моя спутница зацепила дамочек за соседним столиком рассказом о том, какой на улице дождь. Неужели она думает, что они не знают?! Однако, к моему удивлению, те в недоумении подняли брови и минут пять обсуждали нехарактерную для этого сезона непогоду. По крайней мере, мне показалось, что говорили они именно об этом.

Я же наслаждалась глоток за глотком приятно обжигающим *ince belli sauy*¹ с легким привкусом бергамота и чабреца. Невероятное тепло разливалось по телу, мешая сосредоточиться на огромном количестве дел, запланированных на день. Резким движением я достала ежедневник, чем тут же спугнула сладостное ощущение неги, которое витало над каждым столиком.

– Нет-нет, вначале чай, потом дела, – затараторила риелтор.

¹ Чай в тонкостенном стакане грушевидной формы.

В это время официант поставил прямо перед моим носом две тарелки. Даже при тщательном изучении содержимого я вряд ли могла бы сказать, что это. Обрадовавшись моему смятению, Ешим-ханым тут же принялась меня кормить, став невероятно похожей на тех чудаковатых бабушек, которые считают своих внуков вечно голодными.

– Это обязательное блюдо на завтрак – bal каймағи¹.

На большой тарелке лежала густая шапка сливок, жирность которых явно превышала 45 процентов, и в ней утопали ложки три янтарного меда. Такой каймак я нередко покупала в Ташкенте, а после разводила молоком, чтобы получить стандартный вариант в 33 процента.

Аппетитно пережевывая, моя милая собеседница щебетала по поводу пользы такого завтрака. Она отломил кусок хрустящего симита², сплошь усыпанного ароматным кунжутом, намазала на него каймак, сверху мед – и тут же отправила эту пирамиду в сладострастно открытый рот.

– Это очень вкусно! И так поднимает настроение! Обязательно попробуй, иначе я не отстану.

Конечно, она не отстанет. Я с горечью подумала все о тех же пяти килограммах и надкусила еще теплый симит со сливочно-медовым топингом, заботливо протянутый новой знакомой.

Есть много легенд и песен о романтическом завтраке с круассаном, о бриошах и датских улитках. Все это я пробовала сотни раз и признаю их великую роль в истории кулинарии, но этот симит заставил остановиться время.

Не поверив своим ощущениям, я быстро намазала еще один кусок и поспешила захватить поскорее в рот, уверенная, что во второй раз я пойму, что заблуждалась. Но нет, опять восторг!

В это хмурое серое утро я не готова была ничем восхищаться. С меня вполне хватило импрессионистской улочки Нис-

¹ Мед со сливками (тур.).

² Турецкий традиционный бублик.

бетие, манящей теплыми огнями крохотных ресторанчиков. В остальном же хотелось остаться в своей глубокой депрессивной печали, которая, как мне казалось, придавала едва уловимый шарм моему уездному образу. Но все пошло не по плану. В хитрых глазах Ешим засверкали искорки ликования и победы. Может, она думает, что так же легко я подпишу договор аренды? Она поднесла к ярко накрашенным губам уже пятый стаканчик чая и снова прошептала:

– Мы это называем «кейф япмаг». Это значит – наслаждаться пустяками. Такое маленькое счастье... Тебе нужно научиться, а то ты слишком напряженная.

У нее снова зазвенел телефон. Хозяйка с ключами была на месте. Я тут же подскочила, но моя гуру в области счастья шикнула на меня.

– Когда мы наслаждаемся, мы не торопимся. Один стакан чая еще никому беды не сделал.

Мне показалось, что я поняла, по вине какого трафика стамбульцы всегда опаздывают. Хотя идея загадочного кейфа меня серьезно заинтересовала. Я думала о ней весь день и даже ночь. И на следующее утро, сидя за завтраком в окружении забинтованных голов, я думала о том же.

Арендодатель новой высотки встретила нас у лифта и любезно проводила на этаж со свободными квартирами. Это были роскошные апартаменты в стиле нью-йоркских резиденций пятидесятых. Именно в таком доме в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене проживала удивительная миссис Мейзел из сериала Эми Шерман-Палладино. Стены холлов украшали гигантские обложки журналов «Vogue», полы – мягкие ковровые, дабы обслуживающий персонал не мешал отдыхающим жильцам шарканьем ног. А главное, у лифтов размещались комнаты категории «пять звезд» для гостей апартаментов.

Пока я рассматривала одну из них, мне позвонил Дип. Я тут же поведала ему об удивительном бонусе в виде гостиничных номеров на одном этаже с квартирой. Дип был в восторге – он настоятельно рекомендовал скорее закрывать сделку и обещал, что теперь никогда не будет противиться тому, чтобы к нам приезжала погостить моя мама. Я представила, как наша милая бабушка, чмокнув перед сном внушек в их пухлые щечки, направится вон из квартиры в эти казенные апартаменты,

Notre Dame de Lourdes с видом на черепичные крыши

и сразу же начала искать минусы в этом вполне очаровательном доме.

Вскоре мы оказались на десятом этаже, где располагался офис арендодателя. Кабинет выглядел так же элегантно, как и его обворожительная хозяйка. По виду ей было прекрасных семьдесят лет, хотя не исключаю, что и больше, но о таком ведь не спросишь. Она держалась строго и грациозно, высоко приподнимая подбородок и вытягивая длинную шею, украшенную ниткой гигантского жемчуга. Она небрежно бросила сумку «Шанель» на бархатную оттоманку у письменного стола и, сев напротив меня, вонзилась невероятно прозорливыми глазами в мое лицо. Может, я не так выгляжу? И я поспешила запихнуть свой старый потертый рюкзак белорусского дизайнера Панаскина за спину. Ноги в растянутых уггах прятать было негде. Промоченные во время прогулки под дождем, они походили на двухдохлых крыс, никак не иначе. Да что же это за день такой?!

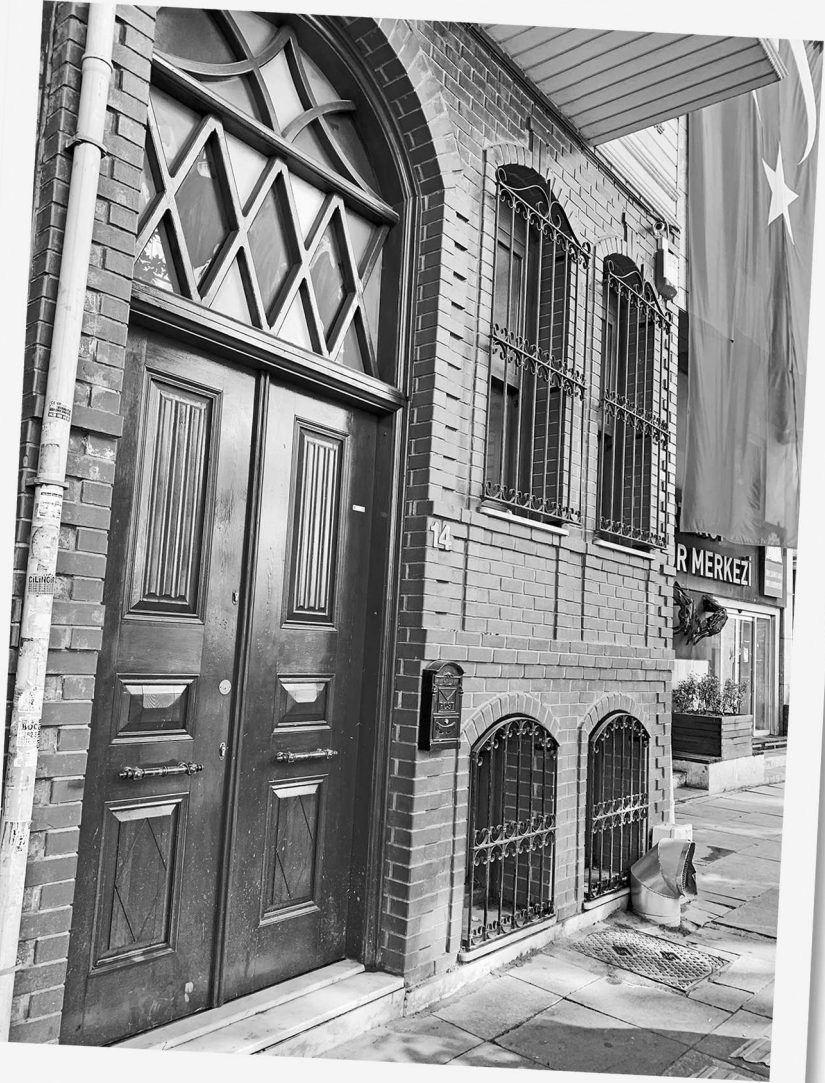
– Чай будете? – наконец спросила леди, ужасно похожая на саму Коко Шанель.

Я отрицательно замотала головой, бормоча, что мы только что пили, но Ешим-ханым бросила на меня взгляд пантеры и мягко закивала головой. Я в недоумении посмотрела на нее, она же беззвучно произнесла всего одно слово. Я поняла, что это было: тот самый кейф, смысл которого до сих пор не был ясен.

Мы пили чай и говорили обо всем, только не о квартире, которую я собиралась арендовать, – будто мы старые подружки, собравшиеся обсудить события последних лет десяти. Так я узнала, что эта милая старушка в роскошном колье, от которого я не могла оторвать взгляд, владеет половиной всего дома.

– Когда-то моему прапрадеду султан подарил землю, на которой стоит этот дом. Я даже не знала, что унаследовала ее, пока ко мне не начали стучаться строительные компании. Много лет я отказывалась, а потом подумала: детей у меня нет, внуков тоже. Почему бы не помочь людям? Только деньги мне не нужны были, поэтому взамен я взяла половину всех квартир. Теперь у меня офис: я занимаюсь арендой и продажей недвижимости. Но только тем, кто мне нравится.

– А если не понравится человек, не сдадите? – поинтересовалась я.

– Кончено, нет! – Она едва не подскочила на стуле от моего глупого вопроса, а я обрадовалась, что Дип не поехал со мной: вряд ли бы он расположил к себе такую милую старушку своими прагматичными взглядами на бизнес, в котором, по его мнению, «не должно быть ничего личного».

Ешим допивала уже который стаканчик чая (и как в нее столько влезает?), а я с восторгом смотрела на седовласую красавицу напротив. Она была спокойна и уверенна, почти не нервничала и говорила на чистом английском, потому что училась в Лондоне, как и большинство детей турецких миллионеров. Ее предки не были рабами или крепостными, их не пытались раскулачивать, а, напротив, всегда поощряли зарабатывать и уважали за деньги. Она была представителем совсем иной культуры, такой далекой и привлекательной, что я впервые за несколько недель в Стамбуле почувствовала самый настоящий, неподдельный интерес к истории этого города.

Наш разговор оборвался так же резко, как и начался. Очаровательная Коко протянула свою визитку, которую я приняла с трепетом и благодарностью, потому что теперь эта строгая дама казалось чем-то большим, нежели просто женщиной. Она была проводником в тот далекий мир султанов и гаремов, дарованных земель и редких камней, о которых я с замиранием сердца читала в юности...

Когда мы оказались на улице, Ешим посмотрела на меня внимательно и сказала:

– Этот дом тебе не подходит.

– Но почему? Муж сказал, что мы согласны.

– Кто? Муж? – И она заливисто засмеялась. – Мужья ничего не понимают в домах. Поверь моему опыту. И вообще, если бы я слушала всех своих четверых мужей, где бы я сейчас была?

Я не знаю, где бы она была, но эта новость просто шокировала. Турчанка четырежды замужем? Разгадав в моем взгляде тысячу вопросов, Ешим снова заговорщицки прошептала:

– А наша аристократичная лендлорд была замужем пять раз. И что? Первый был англичанином. Второй – французом. Потом немец. Какой-то шейх. Всех не вспомню. В последний раз кто-то из Азии, но это был недолгий брак. О, она была красоткой! Женщины с такими деньгами могут себе позволить и не такое. Ты знаешь, какое у нее состояние?

На берегах Босфора

Я что-то промямлила в ответ, и ставшая уже почти подружкой Ешим решила не пугать меня страшными цифрами. Угги все еще напоминали заморенных зверьков, и, судя по моросившему дождю, на сухие ноги сегодня рассчитывать не приходилось. Заметив мой разбитый вид, Ешим махнула рукой – и перед нами тут же остановилось желтое такси.

– Прямо как в Нью-Йорке... – удивилась я. Мне и в голову не приходило, что здесь можно так останавливать машины.

– Я училась в Нью-Йорке. Поверь, здесь намного лучше. Нужно только суметь разобраться.

– Кейф мне в помощь. – Я впервые за последние недели легко улыбнулась. Депрессия медленно отступала. Возможно, ее напугали эти разговорчивые старушки? Или она бежала от непрекращающегося февральского дождя? В любом случае, дышалось легче и совсем не хотелось знать, куда мы направляемся.

По запотевшим стеклам бежали ручейки, и можно было играть на желание: какая капля прибежит первой. Вдруг зазвучал азан. Водитель приоткрыл окно, чтобы лучше слышать. Тонкий голос муэдзина, перебиваемый ветром, слегка дрожал, и все же мелодия его молитвы легко угадывалась. Таксист посмотрел на мою попутчицу в зеркало и, сочтя ее достойной собеседницей, начал обсуждать современную молодежь, которая совсем не знает, как жить. Счастливая от возможности обменяться взглядами, Ешим принялась активно кивать, с трудом вставляя комментарии в его эмоциональный монолог. Краем глаза я заметила, как вдруг он вопросительно кивнул в мою сторону:

– Ябанджи¹, – полушепотом отрезала моя новая подруга. Тот понимающе поморщился и больше, кажется, не смотрел на меня до самого конца поездки.

Я плохо следила за дорогой, и все же заметила, что мы въехали в незнакомую мне часть города. Казалось, будто это вообще и не Стамбул, а какой-то европейский городок. Кругом были типичные парижские домики, приклеенные друг к другу боковыми стенами.

¹ Иностранка (*тур.*).

Оскароподобные мезонины и слуховые окошки самой причудливой формы, невероятной красоты подвезды, выкрашенные в милейшие цвета, манящие внутрь загадочными историями, грустными и романтическими.

Мы проехали великолепный особняк, оказавшийся старинным французским лицеем Богоматери в Сионе, в котором обучались дети именитых вельмож империи, а позже и приемные дочери Ататюрка¹. В квартале от него расположилась итальянская школа, чуть дальше – готический замковый комплекс наследника швейцарской пивоваренной империи Карла Бомонти, который создал здесь фабрику, производившую около семи миллионов литров крафтового напитка в год. Все это я узнаю позже, пока же внимание приковывали стремящиеся ввысь шпили католических соборов, деревянные резные террасы, скрывавшие современные интерьеры итальянских и греческих квартир, в которых давно уже не живут их первые обитатели.

Такси остановилось у милого современного домика в скандинавском стиле, обнесенного старинным забором из булыжников, какими обычно ограждали постройки в позапрошлом столетии. Голые ветви отсыревших деревьев доходили до третьего этажа. Интересно, будут ли они цвести весной? Мы бегло осмотрели квартиру, которая показалась достаточно просторной и светлой, а главное, она была на третьем этаже – как раз на уровне крон неизвестных деревьев. Из всех окон открывался невероятный вид на черепичные крыши старых особняков и ткацких мануфактур, созданных богатыми евреями много веков назад. На них красовались изящные таблички «Аарон и Ко», «Ной и сыновья» и все в таком духе. От этой связи с историей захватывало дух. Казалось, что я не смогу сделать выбор. Это место было намного проще предыдущего дома, да и Дип уже был настроен на тещину комнату, и мне не

¹ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – первый президент Турецкой Республики, реформатор и основатель современного турецкого государства.

хотелось его огорчать. Я набрала его номер, чтобы посоветоваться, но он не ответил. Эти вечные встречи и конференции, отдалявшие меня от мужчины No 1 в моей жизни, портили настроение. Но разве могу я решить одна?

– Если сомневаешься, тебе нужен знак, – прочитала меня Ешим. – Главное, не спеши, и думай только о себе. Тем, кто тебя любит, твой выбор всегда понравится.

Для агента недвижимости эта женщина обладала определенно более высокой квалификацией, нежели требовалось. По крайней мере, сегодня она помогла мне лучше, чем это сделал бы любой профессиональный психолог.

Мы вышли во внутренний дворик. Редкие капли дождя со звоном разбивались о мокрую плитку, как вдруг первый за весь день луч солнца пробился и раскрасил холодный серый двор в теплые золотые оттенки. Точь-в-точь как у Писсарро... И только сейчас в прозрачном просвете чистейшего воздуха я увидела невероятной красоты соборную башенку. Она утопала в вечнозеленых зарослях высоких магнолий, и до нее было буквально подать рукой.

– Забыла сказать. К дому примыкает старинный католический собор Notre Dame de Lourdes¹. Надеюсь, вас это не смутит? По утрам и праздникам бьют колокола. Приход небольшой... И еще один нюанс. Когда-то на месте этого дома располагался монастырь с потайной библиотекой, тщательно охраняемой монахами. Компания, построившая это здание, выкупила землю у монастыря на том условии, что священная каменная стена, защищавшая когда-то монастырь, останется. И еще по договору нельзя было трогать и переносить библиотеку. Вот...

От этой невероятной истории, рассказанной так просто, как бы невзначай, у меня перехватило дух.

– Так где же теперь тайная библиотека?

– Как где? Она прямо здесь, под нами. К ней ведет тайный ход. Правда, попасть вы в нее вряд ли сможете. На это нужно специальное разрешение настоятеля церкви. Он, кстати, милейший человек, – и Ешим снова заговорщически улыбнулась, как бы давая понять, что в Стамбуле возможно все.

¹ Собор Лурдской Богоматери – грузинско-католическая церковь в районе Шишли (Бомонти). Построена в 1861 г.

Сегодня Стамбул подарил удивительного человека, который за несколько часов узнал обо мне больше, чем могла рассказать я сама. Конечно, я выбрала вторую квартиру, не сомневаясь ни минуты. Район, в котором нам предстояло поселиться, назывался самым романтичным словом в мире – Бомonti! Сколько музыки было в этом новом сочетании звуков... Всю дорогу до отеля я вспоминала невероятное ощущение от стамбульского кейфа, очаровательную миллионершу Коко и, конечно же, Ешим, которая долго обнимала меня, прежде чем проститься, и обещала обязательно угостить настоящим стамбульским завтраком, как только наладится погода.

Проходя мимо мечети, я заглянула во дворик, где еще недавно мы мило болтали под снегом с огромным псом. Кроме нескольких попрошайек, у входа никого не было. Я грустно вздохнула и побрела дальше уже не так весело. Мотоциклисты, которых здесь было определенно немало, не желая стоять в пробках, проворно выезжали на тротуары и пару раз едва не зацепили меня зеркалами.

С моря подул леденящий ветер. В кармане завибрировал телефон, но я не могла шевелить пальцами от холода и не отвечала. Я просто шла, радуясь тому, что этот день был именно таким.

Загадочный кейр с ароматом свежесваренного кофе

18 марта

Стамбульские квартиры без единого гвоздика для шляпы. – Зал для собак в стиле рококо. – Антикварная плита болотного цвета и медная джезва. – Румяная гречанка Айше и османский кофе фанариотов. – Странное предсказание кофейной гущи. – Лучшие мезе в городе в лавке Туана. – Мокрые ноги и небрежные стрелки на глазах. – Ужин при свечах, который все-таки состоялся.

В этом городе недели летели быстрее, чем где бы то ни было. Переезд, которого я так боялась, был почти пережит. В углу гостиной стояли еще несколько коробок, но я знала, что до них доберусь не скоро. Так было всегда – на финише мне никогда не удавалось сделать последний рывок. Система сборов, отработанная за последние годы до мелочей, казалась идеальной. Еще в Ташкенте я собирала пронумерованные коробки по четкой схеме, делая подробный список в специаль-

На берегах Босфора

ном блокноте. Теперь это было похоже на магию. Когда мужу срочно понадобился его швейцарский ножик, мне достаточно было бегло пробежаться по записям – и я тут же указала ему на помятую коробку номер пятьдесят семь, в которой он без труда нашел то, что искал.

– Не понимаю, как ты это делаешь. – И он с изумленным лицом побрел в спальню отскребать краску с розетки у кровати. Прежние арендаторы, когда перекрашивали стены, кое-где заляпали их. Пока это был единственный недостаток, который мы обнаружили в этой квартире.

Обживать новый дом всегда непросто. Каждое утро я выпроваживала домочадцев за порог и тут же принималась за его обустройство. Все наши сто картин должны были найти себе угол, а это, знаете ли, не так просто... Навьюченная безразмерными охапками одежды и стопками книг, я кочевала из одной комнаты в другую в поисках оптимального места для всего этого в нашем новом двухсотметровом обиталище. На четверых на самом деле не так уж и много... Особенно если учесть, что до этого мы едва помещались в четырехэтажном особняке, сплошь обустроенном гардеробными, шкафами, кладовыми и подвалами.

В Стэмбуре квартиры сдаются без единого гвоздика, на который можно было бы повесить ну хотя бы шляпу. Или зонтик. Ни шкафов, ни гардеробных!

Один плюс: маршрут до магазина ИКЕА я могу проложить даже в тумане и без помощи карты. Сколько раз за последние недели я металась туда и обратно, известно одному моему шестилетнему «Санта Фе», который проявил удивительную способность вмещать в себя ровно столько, сколько могла купить его расточительная хозяйка.

Я заварила себе пакетик ромашкового чая и устроилась на балконе, предвкушая скорое цветение все еще неизвестных мне деревьев, которые кронами почти касались наших окон. Скорчив пренеприятнейшую гримасу настырному солнцу в просвете между соседними домами, я старалась настроиться на добрый

Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе

лад и сконцентрироваться на настоящем. Нужно было писать новую главу жизни, увлекательной и интересной. Телефон запиликал. Письмо из издательства напоминало о сроках сдачи рукописи. Выходило, мне предстояло писать не только собственную жизнь, но и заканчивать сказочную повесть о приключениях девочки из индейского племени, начатую еще в прошлом году, в другой стране, а значит, в прошлой жизни. Успеть за месяц такое просто невозможно. Страх не справиться в срок вместе с холодным ветром пробежал мурашками по коже, и я буквально впилась в еще теплую кружку с чаем.

В дверь зазвонили. Не выпуская все той же спасительной чашки из рук, я медленно побрела в коридор. Меньше всего хотелось являться перед кем-то в том виде, в котором я пребывала тем утром. Кто бы это ни был. Замок щелкнул. На пороге, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения, стояла краснощекая женщина. В руках она держала горшок с гигантской цветущей орхидеей. Мой унылый вид с чашкой, из которой сиротливо выглядывала этикетка от чайного пакетика, очевидно, ее смутил. Слегка подвинув меня, она сделала шаг вперед и внимательно осмотрела холл, который больше походил на склад компании FedEx в канун Рождества. Пустые коробки я не выбрасывала, а складировала в коридоре, чтобы позже спустить в гараж. Уж я-то знаю цену хорошим коробкам...

Наконец, эта разрумяненная цветочница вручила вазон и что-то пробормотала по-турецки.

– Ben türkçe bilmiyorum¹, – это была первая фраза на турецком, которую я выучила еще до прилета в Стамбул.

– По-русски знаешь? – с ужасным акцентом переспросила она.

Не веря своему счастью, я, как китайский болванчик, закивала головой: это была первая русская фраза, которую я услышала за последний месяц вне дома. Хотя формально я, конечно, находилась в тот момент именно в нем.

– Мой хозяйка тебе дарил. Я из тут. – И она указала довольно крупной в сравнении с ее небольшим телом ладонью на дверь напротив. Я вспомнила, что последнюю неделю из этой двери туда-сюда сновали мастера с перфораторами и стрелянками. Больше никаких ассоциаций с ней не было и быть

¹ Я не говорю по-турецки (тур.).

не могло, учитывая то, как непродолжительно мы находились в этом доме.

Я с трудом удерживала в одной руке огромную орхидею в тяжелом керамическом горшке.

– Бумага читай. – И она ткнула указательным пальцем в аккуратный конвертик, вложенный между мясистыми листьями экзотического цветка. Затем она внимательно посмотрела на чашку, которую я все еще держала в другой руке, и, презрительно цокнув, покачала головой.

– Иди тут. – И она снова указала на дверь напротив. Я ничего не понимала и, казалось, никогда не пойму. В своей жизни я много общалась с иностранцами, однако ее русский вводил меня в откровенный ступор и непонимание того, кто мог обучить ее таким исковерканным фразам. Она хотела, чтобы я зашла прямо сейчас в квартиру напротив, я же не была даже уверена, что сегодня расчесывала волосы.

– Хозяйка нет, – наконец сказала она, недовольная моим промедлением. Я почувствовала нечто заговорщицкое в ее интонации, поставила цветок и чашку на пол и зашуршала за ней в своих меховых тапочках.

Эта странная женщина быстро провела меня через несколько длинных коридоров, стены которых были увешаны гигантскими зеркалами в резных деревянных рамах с позолотой (по крайней мере, я насчитала таких три). В таком же стиле бесконечные консоли, уставленные уже знакомыми орхидеями с аккуратными конвертами между листьев. Возможно, сегодня праздник, и нужно соседям дарить цветы?

Пока я размышляла об этом, мы оказались в просторном помещении, которое, очевидно, было кухней. Но какой кухней! Это был настоящий рай для повара, рай для гурмана, рай для любого, кто имел хоть какое-то отношение к еде. Одна стена была полностью стеклянной и упиралась в гигантскую террасу, сплошь уставленную кадками с зеленью и рассадой. Покрытый крохотными фиолетовыми цветками розмарин разросся настолько пышно, что его мускатно-ореховые стебли так и норовили пролезть внутрь кухни через приоткрытую дверь. В дальнем углу этого дивного сада я заметила заросли лаванды и сразу поняла, что за тонкий аромат встретил меня у входа. Зеленый и фиолетовый базилик высокой шапкой лежал на

Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе

глиняных горшках, добавляя тонкие пряные нотки в этот невероятный букет, от которого кружилась голова. Краснощекая женщина довольно ухмыльнулась. По этой улыбке я сразу поняла, что сад – ее рук дело.

Из дверного проема (а их было в этой кухне три) выглянули две головы. У меня сразу защемило сердце: уж что-что, а разрез узбекских глаз после пяти лет, проведенных в Ташкенте, я узнаю сразу. Моя знакомая резко шикнула на любопытных девиц, и те тут же испарились.

– Otur!¹ – строго бросила она мне, а сама засуетилась у гигантских размеров плиты. Я пыталась сосчитать количество конфорок: выходило четыре электрические, две газовые и еще что-то наподобие гриля. Внизу размещались три духовых шкафа. Все это великолепие поварской мысли было покрыто тусклой эмалью болотного цвета. Отдельного внимания заслуживали винтажные керамические ручки, но я сидела слишком далеко, чтобы рассмотреть их, а подойти ближе без спроса не решалась.

В дверь зазвонили, и розовощекая служанка моей соседки пулей вылетела из кухни. Не прошло и пяти секунд, как будто по мановению волшебной палочки передо мной выросли две упитанные густобровые девицы.

– Здрасьте! – сказали они почти хором. Прямо как «двое из ларца» в мультфильме моего детства.

– Здравствуйте! Значит, вы тоже говорите по-русски? У меня сегодня удачный день.

– Да, говорим. Я из Узбекистана, а Зарина из Туркмении. Мы здесь уже почти десять лет работаем. А Айшегюль-ханым еще дольше. Мы ее научили по-русски разговаривать.

Та, которая Зарина, с копной кучерявых волос, быстро затараторила:

– А мы сразу заметили, как вы переехали, что по-русски говорите. Хотели познакомиться, но Айшегюлька не дала. Строгая! Весь день нас строит.

Стало ужасно неловко. Я сижу в соседской квартире в отсутствие ее хозяйки, которая зачем-то передала мне роскошную орхидею, и обсуждаю с ее прислугой другую прислугу. При этом на мне еще и домашние тапочки с розовой меховой

¹ Присаживайся (*тур.*).

опушкой. Заворачивался сюжет, достойный турецкого сериала, и я спросила:

– А эта розовощекая женщина главная у вас?

Те сразу закивали, дескать, самая главная.

Оказалось, моя соседка – известная в Турции певица, которая постоянно гастролирует по стране. В доме кроме нее жили три служанки, с которыми я уже имела честь познакомиться, и один помощник: он занимался тремя золотистыми ретриверами, которые, к слову, жили в отдельной зале, обставленной в стиле рококо. Голова шла кругом от необычной ситуации и нестандартного уклада в доме, в котором я оказалась.

Недалеко раздались шаги, и девушки моментально исчезли, как и в первый раз. Айшегюль вернулась с гигантской охапкой свежей зелени и четырьмя бутылками молока, так ловко перевязанными бечевкой, что все четыре можно было нести в одной руке.

– Болтушки все рассказали? – хитро улыбнулась она. – Я Айше. Так называй. А их не слушай. Их язык день и ночь... – Тут она быстро забарабанила ладонями по столу. Видимо, такая национальная аллегория пустословия. Мне понравилось: получилось живо и ярко. Тут Айше грозно крикнула что-то по-турецки – и мы услышали спешные удаляющиеся шаги в глубине квартиры, сопровождавшиеся девичьим хихиканьем. Я засмеялась – впервые за этот день, который начался весьма странно. И все же было неловко отнимать чужое время, и я засобиравалась. Айше медленно поводила огромным пальцем прямо перед моим носом.

– Я учить тебя пить кофе. Твой чай из бумаги – позор! Поэтому ты такой, как твой чай.

Я задумалась по поводу последней фразы, но быстро поняла, что в моем состоянии лучше пропускать такие слова мимо ушей. Хотя определенно это был не лучший комплимент в жизни.

Мы подошли к плите, и мое сердце застучало быстрее. В детстве я думала так: «Когда вырасту, у меня будет то и это». Сейчас я выросла и не знала, какое условие нужно соблюсти, чтобы пообещать себе что-то. Выходило, что нужно было ждать пенсии, чтобы наконец вернуться домой и обзавестись таким аксессуаром, а думать о пенсии хотелось меньше всего, и я просто перестала думать обо всем этом. Под зевом широ-

Загадочный кейф с ароматом свежесваренного кофе

ченной вытяжки был уступ, на котором стояло штук десять ту-рок разных цветов, форм и размеров.

– Это джезва! – гордо произнесла моя проводница в мир благородных напитков. Только сейчас, глядя в ее живые глаза, я подумала о возрасте. Похоже, она была из той редкой категории женщин, чьи годы начисто стерты с их лица и не поддаются расшифровке. Теперь она не была такой уж строгой, какой показалась сразу при встрече. От нее пахло сухой куркумой и лавандой – невероятное сочетание, дающее ощущение дома. Густые волосы, оттененные басмой, были закручены в тугий пучок на затылке. От хитрых глаз к вискам разбежались россыпи мелких морщинок. Очень тонкая кость даже в зрелом возрасте оставила ей девичий стан и длинную красивую шею, на которой я с удивлением обнаружила цепочку – и на ней крестик. На турчанке такой аксессуар смотрелся странно.

– Отец был фанариотом. Грек. Богатый. Панайоти. Много лет все меняться. Я не богатый. Ничего нет. Это есть. От мама... – И она нежно жала крохотное распятие в своей большой натруженной ладони.

Я вспомнила, как читала про многочисленные поселения греков в одном из красивейших районов Константинополя на самом берегу Золотого Рога, названном в честь маяка – Фенер. Позже, после покорения города османами, предприимчивые и невероятно богатые греки, занимавшие высокие государственные посты и имевшие исключительные права на торговлю, присягнули на верность султану, продолжая пополнять казну внушительными налогами. Такое сотрудничество длилось столетиями, хотя временами идея Великой Греции и реставрации Византии возвращалась в умы влиятельного православного меньшинства. Каждый раз любая попытка мятежников жестоко наказывалась, однако греки продолжали мечтать, что однажды Византия возродится, и делали все возможное для этого. Однако после Первой мировой войны влияние их почти полностью ослабело, пока, наконец, с ними и вовсе не перестали считаться, вынуждая добровольно иммигрировать на родину.

Я не стала утомлять свою новую знакомую ненужными расспросами. Она стояла задумчивая у плиты, очаровательная и нежная, – особенно в мимолетной грусти, которая улетучилась так же быстро, как и возникла в ее глазах.

На берегах Босфора

